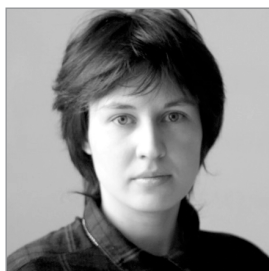


МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЗМОМ И ЛОГИЦИЗМОМ: ОТ ВИЛЬГЕЛЬМА ВУНДТА К ЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ АУТИЗМА*

Максудова-Елисеева Гала Валерьевна – аспирант.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Российская Федерация,
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20;
e-mail: maks.gala22@gmail.
com



В связи с новейшими исследованиями в философию логики возвращается проблема взаимодействия логики и психологии. Логики и психологи пересматривают отношения между законами логики и особенностями процесса естественного рассуждения, отвергая основную идею антипсихологизма о том, что логика не имеет своим предметом процесс естественного рассуждения. В ходе разгоревшегося на рубеже XIX–XX вв. спора между психологами и антипсихологами многие авторы говорили о необходимости взаимодействия этих дисциплин. Однако не все из них были услышаны. В данной статье проблема взаимодействия логики и психологии рассматривается на примере концепции Вильгельма Вундта и одного из исследований рассуждения детей, страдающих аутизмом, проведенного Китом Стеннингом и Мехилом Ламбалгеном. Подобный сравнительный анализ, во-первых, покажет, какие идеи Вундта актуальны для новейших исследований, во-вторых, продемонстрирует значительные отличия между классической и новой формами психологизма.

Ключевые слова: В. Вундт, психологизм, новый психологизм, аутизм, логицизм, рассуждение

BETWEEN PSYCHOLOGISM AND LOGICISM: FROM WILHELM WUNDT TO LOGICAL INVESTIGATIONS OF AUTISM

Gala V. Maksudova-Eliseeva –
PhD student.
National Research University
Higher School of Economics.
20 Myasnickaya St., Moscow,
101000 Russian Federation;
e-mail: maks.gala22@gmail.
com

Due to some recent researches the problem of the reciprocity of logic and psychology got back into the philosophy of logic. Logicians and psychologists reconsider the relations between the logical laws and the human reasoning and deny the idea expressed by antipsychologists that exploration of the human reasoning is non-informative for logical theory. In the course of the controversy over psychologism at the turn of the XXth century some thinkers claimed that these disciplines were strongly connected. Some current researchers united under the name “Neopsychologism”. The article covers the problem of the reciprocity between logic and psychology in terms of Wilhelm Wundt’s theory and the Keith Stenning and Michiel van Lambalgen’s case research of reasoning peculiar to children with autism. Wundt was not a typical psychologist. He argued that the laws of logic and the laws of thought should be

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-05-0040) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».



strongly separated. His idea of the correlation between the thought process and the other cognitive functions is "heuristic" as well. Despite that – or thanks to that – his theory is prolific. Its analysis and comparison with the recent logical researches show the difference between the classical psychologism and the neopsychologism. The article also reveals which of Wundt's ideas are still important for philosophy of logic and psychology today.

Keywords: W. Wundt, psychologism, neopsychologism, autism, logicism, reasoning

Современные исследования возвращают в поле зрения философии логики одну из, казалось бы, давно решенных проблем, а именно проблему оснований логики и ее соотношения с эмпирическими науками, прежде всего с психологией. В истории философии логики данная проблема стала одной из центральных в период конца XIX – начала XX в. и известна как спор психологизма и антипсихологизма. В этот спор были вовлечены многие философы, логики и психологи того времени; например, Мартин Куш насчитывает 139 участников дискуссии в период с 1870 по 1930 гг. [Kusch, 1995, p. 94]. Центром указанного спора стал вопрос о сводимости норм логики к нормам психологии: являются ли логические законы дескрипцией психологических процессов реального мышления или же они имеют независимое обоснование? Первую точку зрения отстаивали психологи, вторую – антипсихологи. Итогом этого противостояния стало длительное воцарение антипсихологизма, самыми известными поборниками которого были Готлоб Фреге и Эдмунд Гуссерль. Антипсихологистская позиция влекла за собой ряд серьезных проблем, например: если логика не изучает мышление, то как обосновать связь логики и рациональности, если не считать, подобно Фреге, что законы логики существуют объективно и «логические чужаки», которые в процессе мышления не ориентируются на законы логики, должны быть признаны обладающими «до сих пор неизвестным родом безумия» [Frege, 2006, p. 10].

Несмотря на уверенную победу, антипсихологизм не сместил психологизм целиком и полностью, и схематически историю развития философии логики, начиная с конца XIX в. по настоящий момент, можно изобразить следующим образом: психологистский период – спор – антипсихологистский период – период нового психологизма [Сорина, 2013]. Возвращение к некоторым идеям психологизма свидетельствует о том факте, что не все аргументы его сторонников были рассмотрены с должным вниманием. Некоторые голоса практически не были услышаны, хотя идеи этих авторов могут сохранять актуальность. К мало услышанным мыслителям относится один из создателей психологии Вильгельм Вундт. Например, Гуссерль в «Логических исследованиях» лишь несколько раз называет Вундта в числе других авторов-психологистов.



Тем не менее возрастает поток работ, объединяющих в себе логические исследования и изучение естественных рассуждений. Эти тенденции требуют воскрешения уже высказанных идей, а также их пересмотра в свете новых данных. Вундт выступает крайне подходящей для такого рассмотрения фигурой. Прежде всего, он был ученым, стоящим на стыке трех областей знания: психологии, медицины и философии. Во многом именно он способствовал разграничению этих областей знания на основании их методологических отличий, но вместе с тем указал на их связь. На настоящий момент многие психические заболевания все чаще изучают психологи и философы, в частности логики. Это способствует развитию как психологии и медицины, так и логики. Аутизм – одно из наиболее часто изучаемых логиками заболеваний. Изучение аутизма, поскольку он касается человеческой субъективности, находится на пересечении медицины, психологии и философии. Вундт не знал аутизма: этот синдром был описан спустя два десятилетия после смерти Вундта. Тем не менее его взгляды, направленные на рефлексию соотношения этих областей, дают основание для проведения продуктивного сравнения концепции Вундта и современных исследований аутизма.

Представления Вундта о логике

Вундта как философа логики относят к конциннистам¹, которые в учении о логике соединяли теорию познания, психологию и логику [Лемешевский, 2013, с. 162]. Основное направление критики традиционной логики Вундтом заключается в том, чтобы «представить видимые сложности в практическом применении логических доктрин» [Sigdwick, 1880, p. 410]. Его философия логики представлена в основном в двух работах: «Логика. Исследование принципов познания и методов научного изыскания» и «Психологизм и логицизм». Первое сочинение состоит из двух томов, общий объем которых превышает 1000 страниц. Первый том вышел в 1880 г. и носит название «Учение о познании», второй том «Учение о методах» был опубликован в 1883 г. «Психологизм и логицизм» выходит в 1910 г. как реакция на первую часть «Логических исследований» Гуссерля. Первый том «Логики», представляющий учение о познании, или общую логику, является основой учения Вундта о логике. Логика в привычной нам математической форме в работе присутствует в минимальном объеме. Вундт извиняется перед математиками за неглубокий характер изложения математической части логики, видя в

¹ Название происходит от латинского “concinnaire”.



математическом методе «бесценное средство точного исследования логических норм», а не «средство для решения конкретных логических задач» [Wundt, 1880, p. VI].

Вундт начинает свою «Логику» с определения ее задач: «Научная логика должна давать отчет о тех законах мышления, которые являются эффективными при исследовании истины» [Wundt, 1880, p. 1]. Научной такая логика называется, поскольку имеет свое обоснование в теории познания и завершение в учении о методе, т. е. органично встраивается в череду других наук. Она должна отказаться от метафизических предпосылок и обратиться к науке. Такая логика оказывается, во-первых, прикладной, во-вторых, содержательной, но ее содержание задается не изнутри логики, а наукой извне. Логика, по Вундту, занимает промежуточное положение между психологией, являющейся «всеобщей наукой о духе», и частными науками: «если психология учит, как проходит процесс реального мышления, то логика стремится установить, как он должен происходить, чтобы обеспечить достоверное познание». Отдельные науки «стремятся выявить фактическую истину», в то время как «логика стремится установить общезначимые правила, касающиеся методов мышления, используемых в исследованиях в рамках этих наук». Именно фундированность законов логики внутренним опытом позволяет ей сохранять связь с реальностью: «Если законы логического мышления не должны считаться необъяснимыми данностями, то необходимо искать их происхождение прежде всего во внутреннем опыте». Логика призвана из «различных связей представлений сознания отобрать те, которые имеют законодательный характер для развития знания», т. е. является нормативной наукой. [Wundt, 1880, p. 1]

Чтобы установить, что придает логике нормативный статус, Вундт начинает с психологического исследования развития мышления, которое не относится к собственно логике, а лишь подготавливает ее возможность. Мышление, как его рассматривает Вундт, в каждом своем акте неизбежно связано с другими процессами: ощущением, памятью, вниманием. Вундт выделяет два уровня законов мышления. К первому уровню относятся дологические законы, например законы ассоциативной связи представлений. Такие законы похожи на законы естественных наук: все в процессе мышления строго детерминировано, но для каждого конкретного случая мы не можем исчерпывающе описать все обуславливающие факторы. Логические же законы являются общими для всех сознаний, поскольку их отличительными свойствами являются спонтанность, очевидность и общезначимость. При этом два последних свойства обеспечивают законодательный характер логических норм. Логические законы узнаются из психологических законов мышления, можно сказать, являются их наивысшей точкой и по этой причине не могут быть целиком освобождены от



психологических составляющих. Однако при подобном подходе мы попадаем в порочный круг, которого автор не замечает: чтобы психологически выявить признаки логического мышления, надо уже знать, какие мыслительные акты являются логическими, но тогда нельзя говорить о том, что логические законы впервые узнаются из процесса реального мышления.

Вундт о психологизме и логицизме

Значение спора о психологизме сложно переоценить. Этот спор имеет отношение к основаниям философии вообще, а не только философии логики. Причин для борьбы было множество, они исследуются по сей день. Например, В.А. Куренной полагает, что на кону стояла идея университета и науки, несовместимая со «скептическим релятивизмом», частной формой которого являлся психологизм: «Гуссерль... связал психологизм с позицией, табуированной институциональными нормами гумбольдтовского “исследовательского университета”, основанного на идее поиска научной истины» [Куренной, 2011, с. 181]. Куш видит основной мотив спора в борьбе за кафедры: «Чтобы понять, почему философы этой эпохи стремились разоблачить своих коллег как защитников психологизма, нам нужно обратиться к основной “антидисциплине” философии того периода, то есть к экспериментальной психологии. ... Она угрожала поглотить ключевые области философских исследований... экспериментальные психологи притязали на то, чтобы называться “философами” и требовали кафедр на философских факультетах» [Куш, 2002, с. 6].

После критики Гуссерля [Husserl, 1968] защитников психологизма не нашлось, но начались взаимные обвинения мыслителей в уступках последнему. Тем не менее психологи видели в победе антипсихологизма опасность для своей науки (например, Вундт пишет: «Логицизм² повернул свое оружие против самой психологии» [Wundt, 1910, p. 517]) и чувствовали необходимость отстоять психологию. Этой цели Вундт посвящает работу «Психологизм и логицизм», основу которой составляет разбор концепций, отнесенных к двум лагерям: психологистов и логицистов. Если критика психологизма была повсеместной, то выделение феномена логицизма в отношении к психологии и его критика – заслуга Вундта. Вундт постоянно возвращает читателя к мысли, что психологизм и логицизм незаметно и органично перерастают друг в друга.

² Разумеется, антипсихологизм и логицизм не идентичные понятия. Однако логицизм, в том виде, как он описан Вундтом, является одним из подвидов антипсихологизма.



Психологизм понимается Вундтом как «тенденция в философии... которая исчерпывает сущностную задачу философии психологическим анализом содержания опыта, так что становится очевидно, что она представляет собой всего-навсего попытку свести общую философию, а вместе с ней и науку вообще, к чистому опыту, как он представлен в чистых данностях нашего сознания». Логицизм же «напротив, был бы попыткой описать связи явлений, особенно тех, которые даны нам в нашем сознании, посредством логической рефлексии» [Wundt, 1910, p. 512].

Для Вундта главной опасностью является смешение логических и психологических законов, ведь чтобы наука развивала свой предмет максимально объективно, надо найти границы этого предмета. Психологи же пытаются (к ним отнесены Дж. Ст. Милль, Х. Зигварт, В. Шуппе, ранний Ф. Brentano, Б. Эрדманн³) заменить нормативные законы логики законами психологии, сформулированными на психологическом языке. Например, Зигварт и Шуппе «балласт традиционной формальной логики спокойно выбрасывают за борт, чтобы предпринять новое построение [логики] непосредственно на основе психологической точки зрения» [Wundt, 1910, p. 525]. Эти авторы начинают с того, что все формы логического умозаключения находят свой корень в функции суждения. Например, для Шуппе наша способность к умозаключению строится на основе принципа тождества как базовой способности сознания, и, соответственно, вся логика выводится из закона тождества. Тот факт, что вся логика выводится из способности сознания, ведет к потере теоретических оснований логики, а также делает ее из нормативной науки техническим учением. Логические законы становятся не имеющими самостоятельной значимости формами разнообразных представлений. Однако они оказываются в каком-то смысле первичными, так как анализ сознания показывает, что представления никогда не встречаются изолированно, без оформления: «Новая логика суждений... целиком и полностью распадается на психологические элементы... и почти не имеет других способов действия, кроме как через образованные из них логические формы. Однако уже чисто психологически рассмотренные отдельные суждения существуют не изолированно в нашем сознании» [Wundt, 1910, p. 534]. Таким образом, психологи, обосновывая логику психологией, не дают полноценного обоснования ни одной из областей: для них логика фундирована способностью сознания, но элементы сознания существуют в связанном виде.

³ Во-первых, приведенный список авторов не является полным. Во-вторых, Вундт посвящает достаточно большой объем текста каждому из авторов. Указанные в тексте аргументы служат лишь примером развернутой Вундтом критики. Это же замечание касается следующей группы параграфов, посвященной критике логицизма.



Другая опасная тенденция, которую критикует Вундт, носит название логицизма в психологии. Развиваемая логицистами наука «исходит из стремления дать прочное основание примитивно-логическому способу объяснения, подчиняя частное планомерной системе взаимосвязей» [Wundt, 1910, p. 549]. К логицистам Вундт относит следующих авторов: Х. Вольфа, И. Гербарта, Г. Гельмгольца, позднего Ф. Brentano и Э. Гуссерля. Постановка логических законов в основу психологии мышления требует, по Вундту, опоры на метафизическое понятие души, в которую уже заложены определенные правила, либо, напротив, полного отрицания души, которая раскладывается в длинную цепочку представлений, не объединенную ничем, кроме опустевшего понятия. Такое положение дел опасно не только для психологии, лишаящейся связи с эмпирическим, но и для философии логики. Логицисты попадают в ситуацию порочного круга: исключая из рассмотрения реальное мышление, они вынуждены признавать логические законы очевидными, а очевидность обосновывать соответствием логическим законам. Главный упрек логицистам заключается в том, что они игнорируют не только тот факт, что способность следования логическим законам доступна лишь высокоразвитому сознанию, но и данные опыта. Например, ассоциативная психология, утверждающая, что ее результаты основаны на опыте, на самом деле просто прилагивает данные наблюдений к заранее данным логическим формам. При этом различные представители ассоциативной психологии как бы соревнуются, кто предложит наименьшее количество базовых законов, игнорируя тот факт, что реальность предлагает множество различных вариантов рассуждений.

Итак, существует борьба двух тенденций: психологизма в логике и логицизма в психологии. История философии в этом отношении характеризуется чередой завоеваний: сначала психология «в своем психологистическом бунте» пыталась низложить и подчинить себе «старую нормативную логику вместе с ее сестрой-близнецом диалектической логикой», затем в ответ на это логика пыталась «превратить саму психологию в малоценное боковое ответвление всеобщей логики» [Wundt, 1910, p. 521], пока это не переросло в экзистенциальную битву. Эти тенденции, являясь противоположными крайностями редукционизма, сменяют друг друга. Вундт пишет:

После того, как под влиянием целой серии... исторических условий, в последние десятилетия прошлого столетия получил господство психологизм, распространившись не только на все области философии, в первую очередь, теорию познания и логику, но и на естественные науки и историю, сегодня мы очевидно находимся под знаменем логицизма. ...Когда и с каким предзнаменованием в будущем за руль вновь встанет психологизм? Или случится так,



что беспорядок, который навели психологизм в логике и логицизм в психологии, будет исправлен и каждый из них вернется в свои границы? [Wundt, 1910, p. 529].

Таким образом, Вундт предстает как неоднозначный автор: его критика редуccionистских концепций, безусловно, является крайне значимой, однако его позитивная программа является не всегда последовательной. С одной стороны, его концепция логики психологистская, так как для выявления законов логики предлагает изучать реальное мышление и находит в реальном мышлении основания для логики. Другими словами, психологическое исследование мышления может сказать нечто о законах логики, тогда как логическое исследование может сказать что-то о частных науках (к которым относится и сама психология). С другой стороны, Вундт сам себя считает, конечно, не антипсихологистом, но победителем психологизма. Он признает самостоятельную значимость законов логики, наличие самостоятельного языка логики. Он видит опасность в крайних тенденциях, призывающих подчинить одну науку другой. Вундт видит правильно разработанную логику как нечто, лежащее посередине между психологизмом и логицизмом. Такая логика будет содержательной и прикладной. Она должна учитывать процесс развития мышления, а также его связь с другими когнитивными функциями. На момент написания работы Вундт может лишь констатировать, что борьба сопровождается сменой редуccionистских тенденций у власти. Но тут же Вундт задает вопрос: можно ли вырваться из этой борьбы и найти этот срединный путь, который не будет подчинять одну область знания другой? Как правильно предсказал Вундт, психологизм снова вышел на сцену. Но является ли этот психологизм таким же, как тот, который критиковал Вундт? Каким идеям Вундта могут быть благодарны современные исследования?

Логика и аутизм: современные исследования

В последние десятилетия появляется все больше логических исследований, объединенных под знаменем «нового психологизма». Среди них можно выделить *методологические исследования*, обосновывающие возможность и необходимость взаимодействия логики и психологии, *теоретические исследования*, развивающие логическую теорию и выдвигающие на ее основе психологические гипотезы, и *экспериментальные исследования* процессов реального рассуждения. Одним из показательных примеров современных тенденций может служить ряд исследований рассуждений людей, страдающих аутизмом, проведенных под руководством Мехила ван Ламбалгена. Эти исследования



обладают признаками всех перечисленных типов: они обосновывают методологию нового психологизма, логическими методами изучают аутизм, отталкиваясь от психологических концепций, а также опираются на экспериментальные исследования процессов рассуждения при аутизме.

Задача, которую ставят перед собой авторы одного из подобных исследований, заключается в том, чтобы проиллюстрировать, каким образом логический анализ может быть полезен психиатрии. Для этого проводится анализ особенностей решения задач больными аутизмом. Исследование заключается в создании формальной модели нескольких известных экспериментов, которые были разработаны для изучения процесса рассуждения у больных аутизмом. К ним относятся: 1. Задача на ложные убеждения [см. Leslie, 1987; Siegall and Beattie, 1991]; 2. Задача с ящиком Дж. Рассела [Russel, 1997]; 3. Задача на подавление Р. Бёрн [Byrne, 1989]. Отличительной особенностью подобной формализации служит то, что переводу на язык логики подлежит не только совершаемый с помощью языка вывод, но и бессознательные, автоматические рассуждения, касающиеся анализа ситуации в целом, в том числе включающие данные других когнитивных процессов (восприятие, внимание, память), а также «нелингвистические поведенческие паттерны, являющиеся аналогом речевых паттернов» [Stenning, Lambalgen, 2007, p. 113].

Чтобы сделать такой подход возможным, требуется пересмотреть понятие логики: необходимо отказаться от понимания логики как нормативной науки. Это приводит к тому, что человеческое рассуждение не соизмеряется с идеалом логики, нормы которой заданы «извне», а, напротив, «каждая схематика зависит от области, в которой человек рассуждает, и от цели рассуждения», и рассуждающий «сначала должен установить область, о которой он размышляет (мы назовем это “рассуждение для интерпретации”), и лишь затем этот изначально произведенный шаг позволяет рассуждать в рамках формальных законов (что мы назовем “рассуждение из интерпретации”)» [Stenning, Lambalgen, 2008, p. 20].

Наибольший интерес представляет задача на ложные убеждения (false belief task), поскольку она является одной из процедур при диагностике аутизма. Авторы опираются на следующий ее вариант: испытуемый (здоровый ребенок младше/старше 4 лет/ ребенок с аутизмом) находится в комнате с куклой Макси. В его присутствии в коробку кладется шоколад. После этого куклу выносят, и шоколад перекладывается в ящик. Ребенку задают вопрос: «Где Макси будет искать шоколад в первую очередь, когда вернется в комнату?». Дети до 4 лет и дети с аутизмом, как правило, отвечали, что Макси будет искать шоколад в ящике. Лишь после 4 лет здоровые дети начинают отвечать правильно.



Стеннинг и Ламбалген при построении формальной модели отталкиваются от ряда психологических идей и концепций. Прежде всего, они рассматривают аутизм как результат нарушения работы исполнительных функций, которые в данной работе понимаются как состоящие из «планирования, инициирования, сдерживания, контроля исполнения, координирования и контроля за последствиями действия, направляемых удерживаемой в рабочей памяти целью» [Stenning, Lambalgen, 2007, p. 97]. В соответствии с этим авторы привлекают гипотезу исполнительных функций, концепцию теории психического (theory of mind), теорию видов памяти, а также выявленные в рамках когнитивных исследований здоровых людей особенности рассуждения (как, например, предположение о замкнутости мира⁴).

Гипотеза исполнительных функций является достаточно новой в нейропсихологии: наиболее активные исследования этого феномена сосредоточены в рамках последних трех десятилетий, однако до сих пор не было предложено удовлетворяющего большую часть ученых определения: «Так, большинство определений исполнительных функций, как правило, строятся через: 1) перечисление процессов, входящих в их состав; 2) указание на специфику ситуаций, где они себя проявляют; 3) соотнесение с работой определенных мозговых структур. В то же время в большинстве определений не содержится четких критериев, отделяющих исполнительные функции от иных психических процессов» [Алексеев, Рупчев, 2010]. В задачу исполнительных функций входит контроль за другими как рутинными, так и содержащими новизну процессами, осуществляющийся с помощью ряда операций: постановка целей, планирование, антиципация, возможность смены когнитивных установок, торможение и контроль импульсов, подавление интерферирующих воздействий, коррекция ошибок и пр.). Осуществление исполнительных функций связывается прежде всего с работой префронтальных отделов мозга. Главная сложность при исследовании исполнительных функций состоит в том, что с ними не связана определенная форма поведения, а только контроль какой-либо деятельности.

Для формальной модели решения задачи на ложные убеждения Стеннинг и Ламбалген используют немонотонную доксатическую логику. Выбор такой логики объясняется гипотезой о том, что основная сложность при решении задачи обнаруживается при рассуждениях с предположением о замкнутости мира. Предположение о замкнутости мира рассматривается как состоящее не только из процесса нахождения вывода, но также из работы с исключениями. Предполагается, что у детей с аутизмом и детей, не достигших возраста 4 лет, возникают проблемы именно с обработкой исключений. Общее правило, выражающее этот компонент рассуждения с предположением о замкнуто-

⁴ Склонность рассматривать не упомянутые явно данные как ложные.



сти мира, выглядит следующим образом: $(A \wedge \neg ab) \rightarrow E$, где ab означает «обстоятельства, удерживающие агента от высказывания своей веры». В случае, когда агент b рассуждает об агенте a , его возможный ответ может быть представлен как результат выбора одного из двух конкурирующих правил:

$$(B_b(q(i,t)) \wedge \neg ab_b) \rightarrow R_b(q(i,t)) \text{ и} \\ (B_b(B_a(q(i,t))) \wedge \neg ab_b) \rightarrow R_b(B_a(q(i,t))).$$

Правило (1) говорит о том, что если агент b полагает, что шоколад находится в месте i в момент времени t , и ничего не произошло, то он скажет, что шоколад находится в этом месте. Правило (2) говорит о том, что если агент b полагает, что агент a полагает, что шоколад в месте i в момент t , и ничего не произошло, то он сообщит о полагании a . Эти правила конкурируют в случае задачи на ложные убеждения, поскольку у агентов a и b разная информация о положении дел. Ответ в соответствии с правилом (1) является преимущественным в силу непосредственности. У детей с аутизмом и здоровых детей младше 4 лет возникает сложность с торможением преимущественного ответа, что, в свою очередь, связано с игнорированием звена ab_b .

Подобная формальная модель эксперимента позволяет сделать ряд выводов.

Выводы о преимуществах использования логического анализа в психиатрии и психологии: прежде всего, логический анализ позволяет выдвигать гипотезы о строении какого-либо симптома или синдрома. В частности, логический анализ позволяет увидеть не замеченные ранее элементы, играющие роль в структуре симптома, например такие, как сложности в изменении правила.

Вторая группа выводов может быть обозначена как «общекогнитивные выводы». Например, вывод о том, что анализ нарушения когнитивных функций как в норме, так и в патологии должен носить комплексный характер, т. е. показывать взаимосвязь работы памяти, внимания, рассуждения и т. д. Как правило, можно выделить базовый нарушенный компонент (например, торможение), который будет проявляться на различных уровнях симптома, от моторного до уровня рассуждения. Такой подход позволяет изменить взгляд на рассуждение: рассуждение не является более «высокой» психической функцией по сравнению, например, с той же моторной функцией, а зачастую осуществляется автоматически.

Такой анализ позволил выявить ряд закономерностей, обладающих эвристическим потенциалом для экспериментального изучения аутизма. Например, больные аутизмом при выполнении задания на ложные убеждения испытывают трудности, связанные с проблемами в обработке «исключительных ситуаций»: они испытывают значительные затруднения при изменении руководящего правила в случае



появления новых условий, что связано с проблемой в сдерживании запланированного ответа. Данные проблемы могут быть обусловлены следующими причинами: сложностями в понимании причинно-следственных отношений, нарушениями в работе памяти, сложностями при рассуждениях с предположением о замкнутости мира и др. В конечном итоге можно предположить, что описанный дефект может лежать на уровне нейромедиаторов, исполнительных функций или на уровне theory of mind.

Логика и психология: уроки взаимодействия

Новый психологизм набирает обороты. При этом многие его представители, в отличие от «классических психологов», осознанно закрепляют за собой этот ярлык. Называют ли себя рассматриваемые современные исследователи психологами или нет, они проблематизируют отношения логики и психологии. Проблематизирует их и Вундт. Другой точкой соприкосновения для данных авторов выступают возможная лишь в рамках психологизма идея о необходимости учета при изучении мышления не только процесса рассуждения, но и других психических процессов, таких как память или внимание, в их взаимосвязи, а также идея о развитии мышления.

Указанные положения, однако, по-разному интерпретируются в концепциях классика и современных исследователей. Вундт говорит о психологии мышления⁵ как о базовой для логики науке, т. к. логические законы впервые узнаются из наблюдения за реальным мышлением, но при этом не помещает психологическое исследование внутрь логического, а смешение логических и психологических законов находит неприемлемым. Вундт не выделяет методологическую⁶ функцию логики при исследовании мышления, по сути, он остается в рамках классической логики. Для Стеннинга и Ламбалгена все выглядит иначе: хотя логика и психология имеют тесные взаимосвязи, они являются необходимым дополнением друг для друга. В противном случае психология теряет инструмент для выработки гипотез, а логика – связь с реальностью и способность быть основанием для оценки рациональности. В своем исследовании авторы отталкиваются от ряда психологических концепций и предлагают с использованием аппарата неклассической логики логические модели процессов рассуждения. Психологизм Стеннинга и Ламбалгена относится к первой,

⁵ Необходимо обратить на тот факт, что Вундт писал об исследовании мышления, а современные авторы говорят о процессе рассуждения, поэтому терминология будет различаться.

⁶ Одно из названий современного психологизма – «методологический психологизм».



неформальной части рассуждения, а именно рассуждению для интерпретации. Подобная позиция позволяет разорвать наблюдавшийся у Вундта порочный круг, поскольку обоснование логических законов не опирается на процесс реального мышления, а логика перестает быть бездушным описанием свода законов.

Из сказанного выше вытекают отличия в отношении авторов к идее взаимосвязи психических процессов при изучении рассуждения: если для Вундта учет других когнитивных процессов играет роль на стадии психологического исследования и лишь опосредованно влияет на описание логических законов, то Стеннинг и Ламбалген рассматривают и другие психические функции в качестве элементов модели. Так, например, одно из правил при моделировании процесса рассуждения в задаче на ложные убеждения связывает процесс восприятия с процессом формирования мнения: если x видел, что A , то x полагает, что A .

Одним из самых значимых для понимания соотношения логики и психологии будет вопрос о характере рассуждения: является ли оно лишь сознательным последовательно или рассуждение может осуществляться автоматически и бессознательно? Для Вундта приемлем лишь первый вариант. Стеннинг и Ламбалген же приходят к выводу, что автоматических умозаключений не просто существует, но их наличие выглядит необходимым с эволюционной точки зрения, т. к. значительно повышает скорость принятия решений. Однако Вундт, когда пишет о логике, ограничивает ее областью теории вывода, не говоря ничего о выборе системы интерпретации, т. е. говоря о характере умозаключений, он ориентируется не только на иное содержание понятия «логика», но и на другой его объем. Вопрос о характере умозаключений тесно связан с проблемой развития мышления, которая требует отдельного исследования. В первом приближении можно сказать, что для Вундта представления о развитии мышления не относятся собственно к логике, тогда как метод, применяемый Стеннингом и Ламбалгеном, опирается на психологические данные и позволяет моделировать стадии развития мышления. Другими словами, взгляд Стеннинга и Ламбалгена не приводит к логицизму в том виде, как его описал Вундт. Человек действительно практически постоянно находится в процессе рассуждения, анализируя ситуацию. Однако это не означает, что законы логики «зашиты» в него. Рассуждающий агент развивается, и с этим развитием может прийти и знание законов классической логики, но и понимание разнообразия логических систем.

Итак, Вундт предложил свою концепцию как разоблачающую психологизм, но вошел в историю в качестве психологиста. Представители нового психологизма хотя и называют себя таковыми, значительно отличаются от классических психологистов, отказываясь от главного тезиса последних, а именно от тезиса о том, что законы



логики могут быть сведены к законам психологии. Кроме того, они значительно расширяют границы логики. Психология обретает в лице логики инструмент исследования. Такое изменение границ логики позволяет снять проблему порочного круга, возникавшую как у критикуемых Вундтом психологистов и логицистов, так и у самого Вундта. Однако концепции обнаруживают важное сходство: они обе видят необходимость во взаимодействии логики и психологии. Конечно, видят они это взаимодействие по-разному, но обе концепции помещены все-таки между психологизмом и логицизмом, а значит, видя тесное сплетение указанных наук, не сводят законы одной к законам другой.

Список литературы

- Алексеев, Рупчев, 2010 – *Алексеев А.А., Рупчев Г.Е.* Понятие об исполнительных функциях в психологических исследованиях: перспективы и противоречия // Психол. исслед.: электрон. науч. журн. 2010. № 4(12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.03.2017).
- Куренной, 2010 – *Куренной В.А.* Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем // Логос. 2010. № 5. С. 166–182.
- Куш, 2002 – *Куш М.* Социология философского знания: конкретное исследование и защита // Логос. 2002. № 5/6. С. 1–31.
- Лемешевский, 2013 – *Лемешевский К.В.* Психологизм в логических учениях концинистов: Христоф Зигварт, Вильгельм Вундт и Теодор Липпс // Рацио.ru: электрон. науч. журн. 2013. № 9. С. 160–178. URL: <https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3169/9356/> (дата обращения: 15.03.2017).
- Сорина, 2013 – *Сорина Г.В.* Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект // Электрон. науч. изд. Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 2. URL: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/3204.php> (дата обращения: 03.03.2017).
- Бурне, 1989 – *Byrne R.* Suppressing valid inferences with conditionals // Cognition. 1989. No. 31. P. 61–83.
- Frege, 1893 – *Frege G.* Grundgesetze der Arithmetik. Begriffsschriftlich abgeleitet. Bd. I. Jena: Verlag Hermann Pohle, 1893. 266 p.
- Husserl, 1968 – *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Bd. 1: Prolegomena zur reinen Logik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1968. 257 S.
- Kusch, 1995 – *Kusch M.* Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. L.: Routledge, 1995. 327 p.
- Leslie, 1987 – *Leslie A.* Pretence and Representation: The Origins of a 'Theory of Mind' // Psychol. Rev. 1987. No. 94. P. 412–426.
- Russel, 1997 – *Russell J.* Autism as an executive disorder. Oxford University Press. 1997. 313 p.
- Sidgwick, 1880 – *Sidgwick A.* Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methodenwissenschaftlicher Forschung. by W. Wundt Review by: A. Sidgwick // Mind. 1880. Vol. 5. No. 19. S. 409–424.
- Siegal, Beattie, 1991 – *Siegal M. & Beattie K.* Where to look first for children's knowledge of false beliefs // Cognition. 1991. No. 38. P. 1–12.



Stenning, Lambalgen, 2008 – *Stenning K. & Lambalgen M.* Human Reasoning and Cognitive Science. Cambridge: MIT Press. 2008. 407 p.

Stenning, Lambalgen, 2007 – *Stenning K. & Lambalgen M.* Logic in the Study of Psychiatric Disorders: Executive Function and Rule-Following // *Topoi*. 2007. No. 26. P. 97–114.

Wundt, 1983 – *Wundt W.* Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 1: Erkenntnislehre. Stuttgart, 1893. 587 S.

Wundt, 1910 – *Wundt W.* Kleine Schriften. Bd. I. Leipzig: Engelmann, 1910. 640 S.

References

Alekseev, A., Rupchev, G. “Ponyatie ob ispolnitel’nykh funktsiyakh v psikhologicheskikh issledovaniyakh: perspektivy i protivorechiya” [The Notion of Executive Functions in Psychological Studies: Perspectives and Contradictions], *Psikhologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. zhurn.*, 2010, no. 4(12). [http://psystudy.ru, accessed on 04.03.2017] (In Russian)

Byrne, R. “Suppressing valid inferences with conditionals”, *Cognition*, 1989, no. 31, pp. 61–83.

Frege, G. *Grundgesetze der Arithmetik. Bd. 1: Begriffsschriftlich abgeleitet*. Jena: Verlag Hermann Pohle, 1893. 266 S.

Husserl, E. *Logische Untersuchungen. Bd. 1: Prolegomena zur reinen Logik*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1968. 257 S.

Kurennoy, V. “Psikhologizm i ego kritika Edmundom Gusserlem” [Psychologism and Its Review by Edmund Husserl], *Logos*, 2010, no. 5, pp. 166–182. (In Russian)

Kusch, M. *Psychologism: A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*. London: Routledge, 1995. 327 pp.

Kusch, M. “Sotsiologiya filosofskogo znaniya: konkretnoe issledovanie i zashchita” [The Sociology of Philosophical Knowledge: A Case Study and a Defense], *Logos*, 2002, no. 5/6, pp. 1–31. (In Russian)

Lemeshevskiy, K. “Psikhologizm v logicheskikh ucheniyakh kontsinnistov: Khristof Zigvart, Vil’gel’m Vundt i Teodor Lipps” [Psychologism in logical doctrines of the konzennisten: Christoph Sigwart, Wilhelm Wundt and Theodor Lipps], *Ratsio.ru: elektronn. nauch. zhurn.*, 2013, no. 9, pp. 160–178. [https://journals.kantiana.ru/journals/ratio/3169/9356/, accessed on 15.03.2017] (In Russian)

Leslie, A. “Pretence and representation: the origins of a ‘theory of mind’”, *Psychol. Rev.*, 1987, no. 94, pp. 412–426.

Russell, J. *Autism as an Executive Disorder*. Oxford: Oxford University Press, 1997. 313 pp.

Sidgwick, A. “Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methodewissenschaftlicher Forschung. by W. Wundt Review by: A. Sidgwick”, *Mind*, 1880, vol. 5, no. 19, S. 409–424.

Siegal, M. & Beattie, K. “Where to look first for children’s knowledge of false beliefs”, *Cognition*, 1991, no. 38, pp. 1–12.



Sorina, G. V. “Metodologiya logiko-kul’turnoy dominanty: psikhologizm, antipsikhologizm, sub”ekt” [Methodology of Logical and Cultural Dominants: Psychologism, Antipsychologism, Agent], *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya*, 2013, vol. 3, no. 2. [<http://j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/3204.php>, accessed on 03.03.2017] (In Russian)

Stenning, K. & Lambalgen, M. *Human Reasoning and Cognitive Science*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. 407 pp.

Stenning, K. & Van Lambalgen, M. “Logic in the study of psychiatric disorders: Executive function and rule-following”, *Topoi*, 2007, no. 26, pp. 97–114.

Wundt, W. *Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung. Bd. 1: Erkenntnisslehre*. Stuttgart: Enke, 1893. 587 S.

Wundt, W. *Kleine Schriften. Bd. I*. Leipzig: Engelmann, 1910. 640 S.